

— Алло! Оленька? Ты дома? — спросил Сергей — взволнованно и ласково. Вообще, мужчина всегда обращался к Оле ласково, очень доброжелательно, но сейчас она уловила в его голосе чуть ли не трепет.

— Да, — ответила Ольга. — А что-то случилось?

— Случилось. Только ты не пугайся... Случилось хорошее. Я понял одну важную вещь. Сейчас приеду... И мы поговорим, — выдохнул он, вложив в эти слова — «мы поговорим» — столько торжественной многозначительности, что у Оли мурашки побежали по спине.

— Жду, — неловко ответила она и нажала кнопку отбоя.

Олю охватили и страх, и любопытство. О чем с ней хотел поговорить ее возлюбленный? Интуиция выдала молодой женщине один-единственный ответ: Сергей собирался сделать ей предложение. Но разум протестовал — нет, невозможно, невероятно, чтобы человек, которого она любила всю свою жизнь, чуть ли не с детства, любила самоотверженно и долгие годы безответно, на расстоянии, вдруг взял да решил соединить с ней свою судьбу?!

Слишком много счастья. Нет. Нет. Нет! Не может быть.

«А почему нет? — возразила она себе. — Он сейчас наконец-то свободен, и я тоже свободна... Сергей сколько раз говорил в последнее время о том, что он меня любит, ну, а о том, что я всегда любила и люблю его, Сережа и без моих слов прекрасно знает. Он твердил мне, что лучше меня нет никого, что я такая-рассякая неземная и прочее... Он намекал мне раза два, нет, даже три, что мечтает о дочери... Судя по всему, он действительно собирается сделать мне предложение!»

Оля залезла под душ, вымыла на всякий случай волосы (хотя мыла их этим утром), быстро, доведенными до автоматизма движениями уложила их феном. Нанесла легкий макияж на лицо, надела шелковое домашнее платьице, брызнула на запястья капельку духов...

И, свежая и благоухающая, вышла на балкон. Оля привыкла встречать своего возлюбленного стоя на балконе. (Поскольку сверху было прекрасно видно, как Сергей выруливает на своем авто во двор, как идет затем к подъезду широким, решительным шагом, словно завоеватель... Тогда Оля бежала к входной двери, ожидая трели домофона; слышала ее, каждый раз вздрагивая всем телом, и затем уже торопливо щелкала замками...)

Вот и сейчас молодая женщина вышла на балкон, чтобы заранее «высмотреть» приезд Сергея и в полной мере насладиться своим счастьем.

Ведь раньше, всего год назад, она и мечтать не могла о том, что этот человек станет в ее доме частым гостем.

...Конец июня, а дождик, холодный и скучный. От силы градусов пятнадцать. Весь июнь такой! Зато листва еще яркая, свежая, не успевшая покрыться пылью. Во дворе, на детской площадке, непривычно пусто. Во-первых, дождь, а во-вторых, большинство детей уже давно разъехались по дачам и летним лагерям.

Пахло травой, землей, грибами почему-то... Со всем не московский воздух. Хотя чего тут удивительного — Олин дом стоял в районе новостроек, на окраине, рядом — парк. До работы добираться долго, часа полтора, но зато свои плюсы в этом житье на отшибе. Есть где гулять, даже на лыжах можно кататься зимой. Дышится легко, словно в родном Ярославле, на берегу Волги...

Хотя, конечно, когда Оля покупала эту квартиру на окраине Москвы, ее меньше всего волновали вопросы экологии. Скорее вопросы экономии. Как бы выжить, как бы справиться с ипотекой, обладая весьма скромным ресурсом — зарплатой институтского преподавателя (ну, плюс всякие подработки и репетиторство).

О замужестве Оля тогда всерьез не задумывалась. Она после окончания вуза (исторический факультет) работала с утра до ночи. Да, имелся у нее и постоянный кавалер — Славик, с которым она ходила в кино, на выставки. Оля его почти любила.

Вот так бывает. Думаешь всю жизнь об одном человеке, как о несбыточной мечте, а рядом тем не менее кто-то еще, пусть не столь родной, зато близкий, понятный. Синица в руке.

Он был неплохим человеком, этот Славик, умный, веселый, тонкий. Интересный. Единственный ми- нус — маменькин сынок.

Маменька могла отпустить его ненадолго, на один вечер, но, если сын задерживался, она разыгрывала спектакль под названием «умирающий лебедь». Начиная звонить каждые пять минут, стонала, жаловалась на разыгравшиеся болячки, угрожала своей близкой смертью... Славик срывался, убегал к маменьке — спасать.

Маменька ненавидела Олю. Твердила сыну, что с этой девушкой ее сын будет несчастен. Она вообще корыстное чудовище, эта Оля, поскольку мечтает лишь о московской квартире... Вот выйдет замуж за Славика и выгонит его вместе с престарелой маменькой на улицу. То, что именно тогда Оля затеяла эпопею с ипотекой, намереваясь самостоятельно, без помощи Славика, решить квартирный вопрос, маменьку ничуть не трогало. Оля ведь, по ее мнению, жадная прорва: одну квартиру сама купит, другую у Славика отнимет.

Славик прекрасно понимал, что маменька его — обычная манипуляторша, энергетический вампир, и тем не менее ничего поделать не мог. Он любил Олю, ни секунды не сомневаясь в ее честности и порядочности, он, в принципе, был не прочь на

ней жениться, но страх огорчить маменьку оказался сильнее его.

Даже больше того. Славик, по профессии психолог, и, кстати, прекрасный специалист, понимал корни своего страха. Посмеиваясь печально, Славик как-то рассказал Оле, что в каждом ребенке заложен этот страх.

Ведь на заре зарождения человечества остро стоял вопрос выживаемости. Так повелось — если маленький ребенок не станет беспрекословно слушаться матери, то он обречен на гибель. В древности малыш был полностью, абсолютно зависим от матери, от того, решит она его казнить или помиловать, а значит, он не мог выжить, не обладая в детстве достаточным послушанием.

Позже, в зрелом возрасте, страх потерять расположение матери из-за своего непослушания обычно стихал, иногда проходил совсем даже, но у некоторых — оставался навсегда.

Славик блистательно помогал своим клиентам, столкнувшимся с такой же проблемой, но (сапожник без сапог) свою — решить не мог. Никак.

Страх потерять одобрение матери, стать плохим сыном оказался сильнее всяких доводов разума. Даже больше того — Славик знал, что, продолжая потакать материнским капризам, он рушит собственную жизнь.

Оля поначалу не вмешивалась в отношения матери и ее сына, с пониманием относилась к заскокам не такой уж и немолодой женщины, каковой явля-

лась мать Славика. Маменька одна, без мужа, делать ей абсолютно нечего... Оля даже подстраивала свою жизнь под эти заскоки, чтобы иметь возможность встречаться с возлюбленным.

Но чем дальше, тем сильнее маменька Славика чудила, не желая надолго отпустить куда-то сына. Звонила ему беспрестанно — и не дай бог Славику прервать разговор с матерью раньше времени!

Наконец, терпение у Оли стало иссякать. Она однажды решила даже поговорить со Славиковой маменькой. Приятная женщина, моложавая, ухоженная, может, чуть располневшая... Маменька глядела на Олю полными слез глазами, когда девушка пыталась ей растолковать происходящее, старалась объяснить, что так нельзя, что жизнь Славика будет загублена и т. д. и т. п.

Оля говорила убедительно и жестко. Уж чего-чего, а говорить и втолковывать, аргументируя, с цитатами и ссылками на классиков, она умела, как-никак преподаватель истории в институте.

Но разговор этот имел обратный эффект.

Маменька и вовсе запретила сыну встречаться с Олей, из серии — «или она, или я».

Оля рассталась со своим кавалером. Первая предложила прекратить отношения. Разошлись они со Славиком не врагами, страдая, но и не обвиняя друг друга. Никто не виноват. Такова судьба.

Оля опять погрузилась в работу, у нее случилось несколько коротких, «проходных» романов — так, ничего серьезного...

Она очнулась, огляделась вокруг, когда ей исполнилось тридцать четыре. Одна. Впервые осознала, что время летит стремительно, что скоро тридцать пять, а там уже и сорок не за горами... И пусть сейчас принято равняться на западную жизнь, когда все женятся-рожают поздно, но тем не менее фертильный возраст заканчивается.

Сейчас или никогда.

Нет, Оля не считала, что счастье только лишь в семье и детях, но — она сама, осознанно — уже мечтала о семье и детях. Без этого она считала жизнь неполной.

Конечно, было бы хорошо создать семью с мужчиной своей мечты. С Сергеем... С тем человеком, в которого она была влюблена с детства. Они жили по соседству, в Ярославле. Что бы Оля ни делала, где бы и с кем ни жила, она всегда вспоминала о красивом молодом человеке из своего прошлого. Иногда он приходил к ней в снах...

Ее любовь к нему — любовь на расстоянии, безответная. И еще: Оля с Сергеем — очень разные...

Сергей старше Оли на десять лет. Сначала был женат на одной женщине, потом на другой. Трое детей — двое сыновей от первой жены, еще один сын — от второй. Свой бизнес у него имелся — Сергей владел сетью аптек в Ярославле. А Оля — тут, в Москве, от зарплаты до зарплаты, с вялотекущей личной жизнью.

Да и вообще Сергей, как она понимала, предпо-

читал совершенно иной тип женской красоты. Ему нравились фемм фаталь.

А какая из белобрысой Оленьки Никифоровой фемм фаталь? Смешно.

Словом, Оля, являясь разумной современной женщиной, пыталась построить свою жизнь без Сергея. Как уже упоминалось — за журавлем в небе не гналась...

А год назад случилось вот что. Одна из прежних Олиных одноклассниц, будучи проездом в Ярославле, городе детства, оказалась в одной компании с Сергеем, к тому моменту он давно состоял в разводе. И рассказала об Оле и ее безответной, неиссякаемой любви к Сергею (с подругами Оля иногда делилась своими мыслями и чувствами).

Сергея до глубины души потрясла эта история. Он и забыл думать о той девочке, что жила когда-то по соседству. Он не представлял, что девочка выросла, превратилась в девушку (уже в молодую женщину, вернее), которая вспоминает о нем до сих пор...

Мужчина сначала написал Оле, найдя ее в социальных сетях, затем сам приехал к ней в Москву. И влюбился.

...Оля стояла на балконе и смотрела вниз, во двор, ожидая Сергея.

Неужели он всерьез готов сделать ей предложение?

Происходящее напоминало сказку. И какой странный контраст — между этим скучным, до-

ждливым днем и тем, что могло произойти сегодня! Странно, страшно. И прекрасно. Потому что все то, что происходило, это и есть счастье. И она, Оля, в эпицентре этого счастья.

Надо запомнить каждое мгновение этого дня, надо выпить его до дна.

Из-за угла дома, как всегда внезапно, вынырнула машина темно-серого цвета. Он? Да, он, Олин принц из сказки. Вот вышел, хлопнул дверцей, коротко пискнула сигнализация. В руках мужчины — огромный букет белых цветов; из багажника принялся доставать какие-то сумки и пакеты.

Сергей никогда не приходил к Оле с пустыми руками. Не заставлял ее готовить. Или привозил еду сам, или вел в ресторан. Он считал, что задача мужчины — оградить свою женщину от тяжелой домашней работы. Но, боже, какой огромный букет у него в руках...

Оля всхлипнула, отвернулась, быстро забежала обратно в комнату, усилием воли заставила себя успокоиться — иначе она бы разрыдалась.

Трель домофона.

— Сережа, ты? Заходи.

Еще пара минут тягостного ожидания, во время которого Оля слышала, как стучит ее сердце. Наконец распахнула входную дверь, и в прихожую шагнул Сергей. Вернее, первым вплыл букет — действительно огромный, сладко благоухающий... Белые лилии.

— Оленька... удержишь? Ох, здравствуй, моя

родная... — Мужчина поцеловал ее в щеку. — А это кое-что перекусить нам на вечер... Погоди, я сам, все сам!

Оля, с трудом удерживая в руках охапку белых лилий, с удивлением, замороженно наблюдала за Сергеем — как тот таскает пакеты на кухню, бегаёт в комнату, обратно...

— Есть ли у тебя большая ваза, Оленька? Хотя нет, не поможет. Тут ведро нужно. У тебя где ведро? Ведро нашлось, Сергей поставил цветы туда.

...Самое интересное, он почти не изменился. Все такой же стройный, подтянутый, с тонкой мужской талией (ни намёка на животик, обычно вырастающий у мужчины с возрастом!). Белая рубашка, черные узкие брюки окончательно делали его похожим на сказочного принца. Волосы густые, чуть выщипанные, хотя почти все седые уже. Но это у него семейное — все в его роду рано седели, вот и он, в свои сорок четыре, тоже седым оказался. Но зато с белыми волосами контрастировало молодое, смугло-розовое, гладкое — без морщин почти — лицо. Черты его резкие, выразительные, словно у киноактера. Серые, яркие глаза. Взгляд пронзительный, живой... Даже когда Сергей оставался неподвижным, замирал, все равно от его лица, его фигуры исходили волны энергии.

И, кажется, мужчине безумно нравилось, что Оля является его полной противоположностью, такая вся мягкая и нерешительная, нежная и чуть заторможенная — в словах, в жестах. Вероятно, ему бы-

ло приятно чувствовать себя рядом с Олей сильным и заботливым, направляющим.

Совместными усилиями они накрыли стол в комнате (несколько тарелок с ресторанными деликатесами), ведро с цветами поставили в углу, в том месте, где в прошлом году у Оли стояла елка. Сергей открыл бутылку красного вина и даже коротко объяснил Оле, откуда оно родом, какого года урожай, что-то там про букет и ароматы чего-то фруктово-медового... Все это проскользнуло мимо Олиного сознания — во-первых, она так и не научилась разбираться в винах, во-вторых, меньше всего ее это интересовало. Да какая разница, где рос виноград... Сергей это знает, и хорошо.

Оля зажгла высокую свечу, выключила свет — в комнате стало полутемно, золотистые блики побежали по стенам, по шторам. До сумерек было еще далеко, но тяжелые тучи за окном прятали вечернее солнце...

— Ну-с, давай за нас, — произнес Сергей и чокнулся с Олей. Чуть отпил, затем поставил бокал на стол, задумался, опустив голову. Оля с рассеянной улыбкой наблюдала за кружением золотистых бликов на стенах. Потом спохватилась. «Запомнить каждое мгновение, запомнить каждое мгновение этого вечера навсегда, на всю жизнь. Не торопиться, запомнить все!»

Сергей прокашлялся и продолжил:

— Оленька... Я вот что хочу тебе сказать. Лишь недавно я задумался о смысле жизни... Вернее, не

так. Я вдруг понял, что живу совсем неправильно. Плохо. То есть не плохо в смысле плохо, а... я живу чужой жизнью, не своей. Выбираю не тех людей, с которыми бы хотел находиться рядом, делаю совсем не то, к чему сердце мое стремится. Я и запутался, и устал. Я потерял веру в жизнь, в людей. Разочаровался.

Оля едва слышно вздохнула, боясь хоть жестом, хоть словом прервать своего возлюбленного.

— И вот я встретил тебя. Нашел тебя. И осознал, отчетливо и ясно, ты — моя судьба. Ты моя путеводная звезда, мой свет, мое солнце. Сейчас... — Он достал из кармана брюк небольшую коробочку — бархатную, пунцового цвета. Оля стиснула зубы, ресницы у нее задрожали. Она не ошиблась, и Сергей действительно собирается сделать ей предложение? В этой коробочке — кольцо? Оля вновь приказала себе: «Не плакать!!! Не отвлекаться! Запомнить каждое мгновение!»

Сергей встал на одно колено, открыл коробочку.

— Оленька... Милая моя. Дорогая. Единственная. Все, чего я хочу в этой жизни сейчас, — это чтобы ты стала моей женой. Ты согласна?

Неожиданно Олю отпустило, она смогла перевести дыхание, мысли перестали хаотично метаться в ее голове.

— Да, — сказала она.

Сергей улыбнулся судорожно, качнул головой, затем взял Олину руку, осторожно надел ей на палец кольцо — тонкое, изящное, с прозрачным и яр-

ким, точно слеза, камнем, который тысячью бликов отражал мерцание свечи. Оля даже спрашивать не стала — бриллиант это или нет и сколько в нем каратов. Она и после не собиралась этим интересоваться. Ясное дело — бриллиант, и очень крупный, дорогой. Но ведь дело не в этом. Дело не в этом совсем...

Сергей быстро поднялся с колен, обнял Олю, прижался к ее губам с поцелуем. Целовал долго и страстно. Именно тогда Оля не выдержала, и слезы все-таки полились из ее глаз.

— Милая моя... Почему ты плачешь? Ах, как это чудесно... Пожалуйста, плачь, но только от счастья, ладно?

— Ладно. Обещаю, — прошептала она.

— Как я люблю тебя, как восхищаюсь тобой, если бы ты знала... Ты мой ангел! — Сергей то отпускал Олю, делал шаг назад, чтобы осмотреть свою невесту, то вновь принимался ее обнимать и целовать.

— Ты счастлива?

— Очень! — горячо согласилась она. — Мне даже кажется, что я сейчас нахожусь в какой-то сказке... что этого не может быть...

— Может. — Сергей нежно, осторожно поцеловал Олину руку повыше локтя. — И знаешь, что я еще подумал... Надеюсь, ты согласишься!

— Что?

— Давай сыграем свадьбу как можно скорее.

Чего ждать, я не понимаю! — воскликнул он и даже нетерпеливо притопнул ногой.

— Давай, — дрожащим голосом произнесла Оля.

— Нет, ты не думай, я не собираюсь делать все тяп-ляп, абы как, по-быстрому... Я мечтаю о красивой свадьбе, без излишеств, но — со всеми необходимыми атрибутами. Должно быть и платье, и ресторан, и гости! Ты хочешь свадебное платье?

Оля несколько раз энергично кивнула. Ну да, пусть и возраст у нее не самый юный, но от белого платья невесты она ни за что не собиралась отказываться. И плевать на всех. Это ее свадьба, и точка.

— Вот и я тоже хочу, чтобы ты была в свадебном платье. Открытые плечи, пышная юбка — такая, с воланами... — он пошевелил пальцами. — Фата обязательно. Я не знаю, какая сейчас мода, но у меня в голове именно такой образ невесты. Ты не против?

— Нет. Ни капельки. Это наша свадьба, и мы имеем право...

— Господи, ты чудо! Мы думаем одинаково. Мы созданы друг для друга. — Он стиснул ее пальцы, голос его задрожал. — Милая... И вот что я подумал. В Москве мы не успеем все это организовать быстро. Быстро и качественно одновременно. Москва — это город тысячи накладок. А вот в Ярославле... Там у меня есть и связи, и возможности. Я за неделю обернусь.

— Неделю?

— Да. Я хочу устроить все за неделю. Сегодня

воскресенье... Рано утром я выезжаю и к двенадцати буду уже в Ярославле. Иду в ЗАГС, там у меня знакомая. Ресторан есть у лучшего друга — он все нам организует по высшему разряду. Но — никаких выкупов и дурацких конкурсов! Это лишнее. Просто банкет. Все друзья детства тоже там, в Ярославле, человек двадцать-тридцать наберется, а больше и не надо.

— И не надо! — кивнула Оля, замороженно глядя на жениха.

— Ты со всем согласна?

— Абсолютно, — твердо заявила она.

— Значит, в следующую субботу мы уже официально станем мужем и женой. Я не могу... — Он отвернулся, закашлялся, потом вновь посмотрел на Олю блестящими, широко открытыми глазами: — Ты первая женщина в моей жизни, которая со мной полностью согласна и всем довольна. Ты первая, кто от меня ничего не требует. Не заставляет меня решать свои проблемы! Я тебя не просто люблю, я тебя обожаю, Оленька. Послушай, как бьется сердце... — он прижал ее ладонь к своей груди.

— Тише-тише, сердце, — прошептала она. — Но зачем мне спорить с тобой, Сережа? Если я хочу того же самого... Нет, я девушка с характером, сразу предупреждаю, — немного кокетничая, важно произнесла она. — Мы с тобой уже спорили по другим вопросам, и не думай, что у нас во всем тишь да гладь будет... Но в столь важном вопросе я полностью с тобой согласна. Тем более зачем мне совать

палки в колеса, если ты все лучше меня знаешь. Где, чего и как.

— Отлично. Отлично... Я все успею организовать за неделю, ты даже не сомневайся. Здесь, в Москве, это нереально, повторю, но там — вполне. Кольца я тоже куплю. Ты моему выбору доверяешь? Или будут какие-то пожелания?

— Да, — кивнула Оля. — Хотя... Белое золото. Или белое с красным золотом. Без камней. Не широкие.

Сергей выслушал, секунду медлил, словно запоминая Олины слова, затем щелкнул пальцами — готово, будет сделано.

— Размер твоего очаровательного пальчика я знаю — шестнадцатый. Мой любимый размер, кстати! У женщины должны быть тонкие пальчики, — сказал он. — Так, что еще... И вот, главное. Где жить будем?

Оля собралась с духом и сказала:

— Где ты скажешь.

— Милая... Прекрасно. Я человек свободный, могу и тут и там. Здесь могу снимать, в Ярославле, — у меня квартира, ты знаешь. К твоей квартире никакого отношения иметь не собираюсь. Что твое — то твое. Что мое — то наше. Я готов полностью тебя содержать. Если ты не хочешь работать — не работай. Если тебе важна работа — работай. Обо всем договоримся. Можешь жить здесь, я к тебе буду приезжать дня на три в неделю. Иногда чаще, иногда реже. Ты также можешь переехать

в Ярославль и там работать, я с устройством тебе помогу.

— Можно подумать? Хотя я, наверное, готова переехать в Ярославль, — решительно произнесла Оля. — Мне ничего не жалко... Я за Москву не цепляюсь.

— Погоди-погоди! Ты не торопись, чтобы потом не жалеть. Подумай, посоветуйся с кем-нибудь, взвесь все. Квартиру не вздумай продавать! Я ведь понимаю, каково это — сначала заработать квартиру, потом отдать ее. Нет-нет-нет. У тебя ведь летом отпуск?

— Н-не совсем... Заочники приедут, я должна принимать экзамены. Но это не проблема! Есть другие преподаватели, я их тоже подменяла в свое время. Меня, надеюсь, отпустят... объясню, сдам дела. Завтра пойду в институт, договорюсь с начальством.

— Вот к концу лета и определимся окончательно — где нам жить, работать тебе или нет, — деловито произнес Сергей. Потом обнял Олю: — Я ведь только одного хочу — чтобы ты была со мной счастлива, моя девочка... Брачный контракт составлять будем?

— Зачем? — опешила Оля.

— Так я и знал. Ты моя бессребреница... Не боись остаться ни с чем. Господи, как ты не похожа ни на кого... Ладно, я завещание напишу или чего там... Посоветуюсь с юристом.

— Ты о чем? — закричала Оля с отчаянием. — Ты умирать собрался?

— Нет! Ах ты, милая моя... У меня ж трое детей. Несовершеннолетние — двое младших. Случись что, мои бывшие жены обдерут тебя точно липку. Ты их совсем не знаешь, совсем акулы они, женушки бывшие — что Наталья, что Алиса. Им всегда от меня что-то надо.

— Но ты же не оставишь своих детей без куска хлеба?

— Нет. Но и тебя тоже не оставлю. Хочу, чтобы все были счастливы, и ты в первую очередь. И не пугайся ты так завещания, я здоров! Просто есть вопросы, которые надо непременно обговорить перед свадьбой. А если у нас родится девочка, дочь... — Сергей посмотрел Оле в глаза: — Я о ней в первую очередь постараюсь побеспокоиться. Потому что мальчишки — они вырастут, мужиками станут, а дочь, девочка... Ну, ты понимаешь. Большая часть заработанного мной будет тогда ей отдана.

Оля молчала.

Она, хоть и пыталась заставить себя насладиться каждой минутой этого вечера, все равно словно в тумане пребывала, то и дело ее мысли уплывали куда-то в сторону. Наконец пробормотала:

— Платье... Погоди, а что делать с платьем?

— А, со свадебным платьем? Молодец, что напомнила. Платье я купить без тебя не смогу. И искать его в Ярославле в последние дни тоже нехорошо... Пусть в Москве дороже, но... Купишь платье здесь, поедешь с ним в Ярославль. Пятьдесят тысяч на платье хватит?

— Ого! Кажется, это чересчур.

— Тридцать-сорок тысяч — средняя цена свадебного платья в Москве, я узнавал. Нет, можно, конечно, и дешевле, но... — Сергей покачал головой. — Покупай себе тут платье и выезжай потом сразу. Ты как собираешься в Ярославль добираться?

— Да на своей машине и поеду, — сказала Оля. — А то она у меня зря стоит.

— А на электричке? Ходят же хорошие экспрессы, повышенного комфорта? Или такси возьмешь? Четыре-пять часов на авто ехать. Хотя нет, — быстро прервал он себя. — Таксистам не доверяю. Или, может, я двоюродного брата своего за тобой пришлю, Артема? Ты помнишь Артема?

— Нет. Пожалуйста! Не надо никого за мной посылать. Артема я помню, он прекрасный человек, но я сама.

— Ладно, поезжай сама, но тихо и осторожно!

— Обещаю.

— Значит, договорились — ты покупаешь платье, закрываешь здесь все дела и едешь в Ярославль. В субботу у нас свадьба!

— В субботу у нас свадьба... — эхом отозвалась Оля.

Сергей засмеялся, обнял ее, чмокнул в кончик носа:

— Птичка ты моя... Принцесса... Солнышко! Рыбка! Мм-м... — Он подхватил ее на руки, понес к дивану. Раздел, быстро разделся сам. Принялся гладить, осыпать поцелуями ее шею, плечи... Оля пыта-

лась ласкать в ответ Сергея, но он быстро перехватывал инициативу. Он и в этом вопросе действовал самостоятельно, вполне довольный пассивностью своей возлюбленной.

В конце концов Оле и оставалось только что покорно принимать его ласки.

...Начав встречаться с Сергеем, она больше всего страшилась близости. Вдруг он разочаруется в Оле как в любовнице? Скажет — вот, здрасьте, любила меня всю жизнь, а сама в постели бревно бревном! Или вдруг она уже разочаруется в нем, если Сергей заставит ее делать что-то... гм, не то. То есть в интимной близости все «то», если оба партнера согласны, но Оля отличалась некоторой старомодностью и строптивостью. Брезгливостью даже.

Возможно, именно поэтому и не сумела вовремя создать семью. Потому что слишком привереда. Холодноватая, с принципами, гордячка.

Однажды, помнится, они с подругами собрались в ресторане на чьем-то девичнике и принялись, словно героини «Секса в большом городе», болтать об «этом». И о современных мужчинах. О том, что нынешние мужчины буквально требуют от женщин оральных ласк, и если женщина не умеет делать именно это в первую очередь, то ее немедленно списывают в утиль.

Должна, и все тут. Старайся. А если нет — вон.

Ну, а также женщина должна и на прочие разновидности интимных ласк быть согласна... Оля тогда заявила, что она не ханжа, но в этих обязательных

требованиях есть нечто унижительное для женщины. Женщина имеет право иногда не хотеть того, что хочет мужчина.

Как ни странно, но подруги не засмеяли Олю, а, наоборот, поддержали. Только в заключение заявили — да, женщина имеет право отказываться от всевозможных экспериментов и экстремальных развлечений, от разнообразия утех в интимной сфере, но поскольку нормальных мужчин мало, а конкуренция огромная, то женщина, даже при отсутствии желания, *должна* идти навстречу. Если не хочет провести всю жизнь одна.

Так вот, начав встречаться с Сергеем, Оля и опасалась того, что окажется много чего *должна*.

Но нет, ее опасения не подтвердились. Даже больше того — Сергей и не хотел как будто Олиной активности, не требовал от нее чего-то особого. Словно его пугала женская изощренность в любовных утехах...

Вот и в этот раз само действие прошло, несмотря на долгую и восторженную прелюдию, довольно быстро и просто. Даже, пожалуй, чуть быстрее, чем хотелось бы Оле.

Но она не роптала, не возмущалась, даже внутри, поскольку понимала, что это — самое меньшее из тех зол, которые ее пугали в отношениях с мужским полом.

...Она проснулась от того, что кто-то поцеловал ее в щеку. Открыла глаза — за окном только светало. Ее жених, уж одетый и собранный, стоял рядом.

— Оленька... Ты спи-спи. Я уже уйду. До встречи. Жду тебя в Ярославле. Пожалуйста, быстрее заканчивай дела и приезжай.

Оля застонала, повернулась, протянула руку.

— Это правда... — пробормотала она. — Ты сделал мне предложение вчера?

— Ах ты, моя девочка, — умиленно засмеялся он, целуя ее ладонь. — Да-да, это все правда! И я ни за что не передумаю! Ну все, до встречи. Буду звонить...

Он еще раз поцеловал Олю, затем она услышала, как хлопнула входная дверь.

* * *

«Что надо сделать в первую очередь, готовясь к скоропалительной свадьбе?» — размышлял Сергей, сидя за рулем своего авто, мчащегося по достаточно свободному в этот час Ярославскому шоссе.

Подумать о свидетелях, об угощении, о том, как рассадить гостей?..

Нет. Для начала надо сформировать команду помощников. Да, он все будет контролировать, но без помощников никак. Артема можно подключить, двоюродного брата; Колю — у него ресторан, пусть Николай и думает о банкете, Семена еще можно напечь, дядю Никиту...

И никакой тематической свадьбы, как нынче модно. К тематической свадьбе гости подготовиться не успеют, и само ее оформление хлопотное. Пусть будет все просто. Классика, так сказать!

Дать Семену список гостей, пусть он обзвонит их всех. Коля пусть еще подумает о музыкальном сопровождении, да. Чтобы никакого шансона, упаси бог! Тамада, он же распорядитель на свадьбе... С кандидатами на роль тамады Сергеем надо побеседовать лично, а иначе это не свадьба будет, а балаган с Петрушкой. И как хорошо, что Оля тоже против этих выкупов-прикупов и прочих выкрутасов... Возраст уже не тот, чтобы выкупами заниматься. Все должно быть просто. Регистрация, фотосессия, банкет. Всё!

Костюм. Костюмов у Сергея навалом, тут думать не надо. О платье Оленька обещала сама позаботиться, умничка... Вкус у нее есть, в Москве масса возможностей приобрести именно то, что нужно.

Что еще? А, кольца! Но и тут, слава богу, проблем тоже не должно возникнуть, сейчас не нищие советские времена, ювелирные на каждом шагу, ассортимент есть...

Договориться надо с Ларисой Петровной, заведующей ЗАГСом. Тут проблем тоже возникнуть не должно, она по гроб жизни обязана Сергеем за то, что он помог ее сыну тогда, в той нехорошей истории, с дракой...

Свадебное путешествие. Что тут можно придумать? А тут и думать не надо — забронировать люкс на теплоходе, и — в прогулку с Оленькой по Волге, аж до Астрахани куда-нибудь.

Ведь она, Оленька, совсем не привереда, не потребует себе круиза вокруг экватора и шопинг-тура

в Милан. Ну, или в Венецию, будь оно неладно, это европейское болото.

И дело тут не в том, что он, Сергей, прижимист и хочет сэкономить, нет... путешествие по родным пенатам не дешевле, а то и дороже зарубежных вояжей. Просто Оленька, как и он, любит родные места, Волгу, «Ярик» — родной город, тоже любит. Она не пафосная привереда, не гламурная истеричка.

Она — нормальная.

И какое это счастье, что он нашел эту милую, скромную, нежную девушку...

А напомнила Сергею об Оле одна их общая знакомая. Так, кинула на одном вечере невзначай: «Ты знаешь, Серега, ведь Оля по тебе до сих пор сохнет!» — «Какая еще Оля?» — «Да девочка, которая раньше с тобой по соседству жила... Ей сейчас тридцать с небольшим, но, надо сказать, выглядит прекрасно. Очень славная. Свою личную жизнь так и не наладила...» — «В смысле? Старая дева до сих пор?» — «Нет, — засмеялась знакомая. — Если бы она только о тебе думала, девственность свою хранила, то, пожалуй, являлась бы просто чокнутой. Было у нее несколько романов, но все несерьезные. Детей нет. Я думаю, она ищет мужчину, похожего на тебя, и все никак не найдет!»

Сергея до этого момента меньше всего интересовала судьба какой-то соседской девочки Оли, если честно.

Но, напрягшись, его память с трудом нарисовала маленькую худенькую белобрысую девочку, живу-

щую в одном с ним дворе. Потом, помнится, девочка выросла, превратилась в девицу, куда-то уехала... Потом появлялась несколько раз в Ярославле вроде... И все издалека, они фактически не общались.

В общем, розовый романтик.

Но... Сергей с возрастом стал немного сентиментальным, что ли. И что еще... За пару недель до этого разговора об Оле Сергей побывал на одном спектакле.

В Ярославль приезжала известная московская труппа с гастрольями, нашелся билетик...

Спектакль по новелле какого-то немецкого писателя.

Сюжет такой: некий немолодой господин получает письмо от незнакомой женщины. Она в нем рассказывает о том, как любила его с детства, когда жила по соседству и наблюдала за ним, будучи еще маленькой девочкой. Ревновала к другим женщинам, восхищалась... Страдала, когда была вынуждена переехать с родителями в другое место, далеко от него.

Потом встретила с ним, якобы случайно, произошла ночь любви... Родился сын. Потом она вынуждена была стать содержанкой, но любить своего единственного не переставала... Встретила с ним, они опять переспали, он оставил ей денег за ночь — содержанка же... Он ее не узнал! Словом, у них за все эти годы случились три ночи любви, у незнакомки и этого господина. Но ни разу он не

заподозрил, что встречается с одной и той же женщиной.

И вот ее сын (вернее, их общий сын) умер прошлой ночью от тяжелой болезни. И она сама тоже в жару, пишет это письмо... Последнее люблю, последнее прости, последняя благодарность.

Делает пометку — если ты получишь это письмо, то знай, что я умерла. Если выздоровею — письмо уничтожу.

В общем, мужик нежданно-негаданно понимает, что коснулась его сердца своим крылом великая любовь. Только он сам ничего не заметил. А теперь поздно корить себя за невнимательность — его сын умер, и сама незнакомка тоже, поскольку письмо дошло до адресата.

...Сергей раньше слезливые мелодрамы на дух не переносил, но этот спектакль произвел на него мучительное, тяжелое и одновременно радостное впечатление.

Вот есть же чудесные истории — не розовые сопли, а нечто настоящее, красивое, трогательное! Только жаль, что все эти истории происходят не в жизни.

Он все еще ходил под впечатлением спектакля, а тут этот разговор, об Оле. Выходит, и у него есть *своя* Незнакомка?!

Герой того спектакля — тютя-матютя, собственное счастье прошляпил. Зато у него, у Сергея, есть шанс исправить все.

...Он нашел Оленьку в социальных сетях, списал-

ся с ней. Разузнал о ней все, навел справки (сейчас есть возможность выведать о человеке всю подноготную, было бы желание).

Итак, Ольга Ильинична Никифорова, 34 лет. Обычная молодая женщина, жила тихо, ни в чем не замечена, преподавала историю в педагогическом вузе в Москве. Одна, без помощи спонсоров, заработала себе на скромную однокомнатную квартиру.

Словом, училка. Нет, не училка, училка — это грубое слово. Иные училки такого жару задать могут, только держись... Позабористее стриптизерш будут. Тут — нет. Тут — именно что учительница. Скромная девушка. Простенький цветок — маргаритка на дачной клумбе.

Не красавица, но милая. Раньше Сергей на девицу с подобной внешностью внимания ни за что не обратил бы. Не в его вкусе. Он ведь всю первую половину жизни гонялся за знойными красотками. Яркими брюнетками, смуглыми, с сочными губами, роскошными бюстами. Лихими и рисковыми девицами, острыми на язычок. Южанками. Что-то такое, средиземноморское. Гуашь, темпера.

А Оленька — обычная девушка средней полосы России. Акварель.

Поначалу, еще только собираясь на первое свидание с Оленькой в реале, Сергей очень боялся, что разочаруется. Что его «незнакомка» окажется слишком простенькой, глупенькой. Слишком учительницей. Но нет.

Оленька при всей ее внешней простоте являлась человеком милым и интересным. Сергей вдруг понял, что раньше он выбирал вульгарных женщин, а сейчас открыл для себя совершенно иную женскую красоту.

Хоть и говорят, что человек не меняется, что предпочитает один и тот же тип партнера, но нет, Сергей на пятом десятке все-таки сумел перестроиться. А то и правда — всю жизнь наступал на грабли, выбирая знойных красоток. А они ведь уже не в моде, эти «куры гриль» с накладными грудями и силиконом в губах.

И страсти-мордасти с выяснением отношений, с криками и ревностями Сергею тоже надоели. Хватит. Уже нажил себе язву. Уже раз чуть не отправился на тот свет после сердечного приступа...

Оля не выясняла отношений, ничего не требовала, не качала права, не ждала постоянных доказательств от Сергея, что он настоящий мужик.

Она просто любила его, без истерик и дешевых спектаклей. Вообще, это гадость, когда тетки, не имея за плечами ни актерского образования, ни такта, все время разыгрывают из себя кого-то.

Оля же оказалась неиспорченной. Да, до Сергея у нее имелась личная жизнь, но, как он понял, не столь бурная, как у некоторых особ. Вот удивительно, кстати. Раньше он ценил женщин за их искусность... ну, в этом самом деле. Было всякое в его жизни, неприлично вспоминать даже. Всякое и мно-

го. А теперь — как отрезало. Оленькина неискушенность пришлось ему очень по сердцу.

Видно, наступил некий предел. Наелся, наигрался, перепробовал все.

И еще Сергей мечтал о том, что у него когда-нибудь родится дочь. Мальчики — хорошо, и у него три сына есть, а теперь вот дочку, девочку надо. Чистую. И чтобы эту девочку родила чистая женщина. Не в том смысле, что девственница, а — именно что неиспорченная. Вот когда смотришь на ее губы и не думаешь, чего она этими губами творить может.

Ну какую дочь воспитает силиконовая тетка, тершаяся всеми своими выпуклостями о стриптизерский шест, выражаясь метафорически? Как эта тетка по кличке Глубокая Глотка свою дочку целовать будет, тьфу...

А вот Оленька сможет стать прекрасной матерью для их с Сергеем дочери.

Какие еще плюсы в Оленьке? У нее идеальный возраст. Не молоденькая дурочка, брыкливая кобылка, но и не перезрелая матрона. Тридцать четыре года, на десять лет младше его, Сергея.

Словом, он решил с Оленькой Никифоровой создать семью. Пусть и третью по счету, но зато — настоящую, крепкую. На всю оставшуюся жизнь.

* * *

Оле без всяких проблем дали на работе отпуск за свой счет до конца лета. Ректор — почтенный седовласый профессор, всегда относился к Оле, са-

мой молодой преподавательнице в институте, как к родной дочери и оберегал ее от нападков более возрастных женщин-коллег. Чуть не пустил слезу, когда его подопечная призналась, что через неделю выходит замуж. Хотя просил не торопиться и не увольняться сразу же: «Оленька, оставайтесь, а то я один в этом курятнике зачахну!» Оля обещала подумать, и с тем ее отпустили до конца лета.

Оставшуюся часть понедельника Оля посвятила поискам свадебного платья. Поначалу, не мудрствуя лукаво, она отправилась в ближайший салон, находившийся неподалеку от места ее работы.

...Небольшой зал, хозяйка и по совместительству продавщица — энергичная дама в возрасте. Бурно обрадовалась визиту Оли, но поскольку Оля выразила свои предпочтения очень лаконично — «сверху гладко, снизу попышнее», то дама принялась демонстрировать все платья подряд.

— Вот такое есть, такое посмотрите, очень нежное... Лиф стразами отделан эффектно...

— Стразами? — засомневалась Оля, разглядывая пышное «чудо», переливающееся ярким блеском в электрическом свете. — Как-то слишком. Нет. Пожалуй, покажите мне без стразов.

Следующим оказалось платье, отделанное бусинами. Оля оно сначала понравилось, но потом молодая женщина заметила, что пара бусин висят на нитках и вот-вот готовы отлететь. Что же будет, если провести весь день в этом наряде? Пожалуй, к вечеру эти бусины станут сыпаться гостям под ноги...

Наконец Оля выбрала подходящее, кажется, платье — не аляповатое, без страз, бусин и прочих накладных красот.

Дама помогла Оле влезть в платье. И тут выяснилось, что платье почему-то неумолимо сползает вниз.

— Кажется, великовато оно мне вот здесь, в груди, — сказала Оля.

Хозяйка поморщилась, затем предложила Оле померить еще одно платье.

В следующем платье было невыносимо жарко и душно. Оно облепило Олину фигуру наподобие кокона, нижняя юбка прилипла к ногам, и, к чему бы Оля ни прикасалась, теперь било ее электричеством.

— Пожалуйста, мне бы что-то натуральное.

— Натуральное... — опять скривилась дама, явно недовольная тем, что покупательница «капризничает». — Да где вы найдете сейчас что-то натуральное дешевле ста тысяч? Да и то, на поверку все равно синтетикой окажется. Подмосковье и Турция в основном шьют, а если хотите чего-то особенного, езжайте в Милан, вот там и дешево, и натурально, и не аляписто, как вы просите...

— Мне срочно, — возразила Оля.

— А если срочно, то и не требуйте ничего...

Оля пожала плечами и покинула салон.

В центре, в двух остановках на метро, располагался элитный магазин свадебных платьев. Уж там, наверное, сервис должен быть получше!

Сервис в самом деле оказался на высоте. Зато